

Петербургские гадалки, знахари, юродивые и пр.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
П29

П29 Петербургские гадалки, знахари, юродивые и пр. / — М.: Lennex Corp, —
Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2025. — 109 с.

ISBN 978-5-519-66922-1

В 1893 году автор книги, скрывший себя под псевдонимом Отшельник, отправляется по Петербургу в поисках гадалок и колдунов. Это ироничное путешествие, совершенное им вместе с одной молоденькой дамой, тоже большой охотницей до всего загадочного, стало поводом для написания ряда очерков о двенадцати гадалках Петербурга и его окрестностей.

Отшельник стремился найти не просто людей, салонно гадающих на картах, а нечто курьезное и необычное, отражающее в полной мере мир предрассудков, суеверий, страхов и непроходимого невежества. Во время своих поисков он высиживает в очередях с суеверными купчихами, встречает окруженного поклонниками колдуна-атлета, наблюдает гадание с таинственным видом на потрепанном учебнике географии, а так же невежественные заклинания и ворожбу при помощи книги и ключа.

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— Что-же, напрімѣръ?

— Ну, куда онъ уходитъ по ночамъ, съ кѣмъ живетъ на сторонѣ, да мало-ли что съ мужчинами бываетъ!

— И вы полагаете, что она не вретъ?

— Зачѣмъ-же ей врать, когда она по буквамъ читаетъ! Да вотъ однажды такой случай былъ. На дачѣ мы тогда жили, такъ у сосѣдки съ балкона шляпа исчезла—новая, модная шляпка. Рѣшили, что кто нибудь эту шляпку укралъ. Пошли къ ворожеѣ, чтобы узнать, кто именно укралъ. Такъ и такъ. Сейчасъ она на гущѣ кофейной погадала и говоритъ. шляпку вашу, дѣйствительно, украли, но укралъ ее не человекъ, и вы скоро шляпку ту найдете; и правда, въ саду, въ кустахъ, нашли изорванную въ кусочки шляпку. Послѣ уже догадались, что шляпку вѣтромъ сбросило въ садъ, а собаки подхватили ее, занесли въ кусты и тамъ изорвали.

Въ разговорахъ время пролетѣло незамѣтно, и мы вскорѣ очутились у дома № 24 по 9-ой линіи.

— Вотъ здѣсь!—остановила извозчика Варвара Ивановна, послѣ чего мы вошли во дворъ.

Вскорѣ мы достигли площадки второго этажа надворнаго флигеля и остановились у двери, надъ которой прибитъ № 00.

II.

У Анны Карловны.

Отворившая намъ дверь молоденькая кухарка пропустила насъ въ кухню и поскорѣе затворила дверь.

— Васъ-то я еще пушу, а больше никого; народу сегодня съ утра много, какъ-бы Анна Карловна не опоздала на поѣздъ,—озабоченно проговорила дѣвушка.

Въ кухнѣ дожидались двѣ женщины: одна молодая, другая среднихъ лѣтъ, обѣ въ платочкахъ, повидимому, изъ торговаго сословія. Далѣе, въ передней нетерпѣливо дожидалась очереди разодѣтая, что называется, въ пухъ и прахъ, какая-то худощавая женщина; модная шляпка, серьги, кольца, усыпанные брилліантами, золотые браслеты—все это бросалось въ глаза.

— Пожалуйте въ слѣдующую комнату, посидите, ваша послѣдняя очередь,—проговорила прислуга, указывая дорогу.

Мы съ Варварой Ивановной направились въ слѣдующую большую комнату, уставленную стульями, диваномъ и креслами, противъ насъ большое зеркало, сбоку у стѣны старинное фортепіано. Въ

креслѣ и на диванѣ сидѣли двѣ дамы; обѣ высокаго роста, довольно нарядно одѣтыя, повидимому, интеллигентныя; одна, помоложе, стройная брюнетка; гибкій станъ ея охватывалъ модный жакетъ, а мужской воротничекъ и мужской цвѣтной галстухъ во всю грудь чрезвычайно шли къ лицу этой дѣвушки съ гладкой прической густыхъ волосъ; черные глаза скользнули по мнѣ съ какой то вопросительною улыбкою. Сидѣвшая съ нею рядомъ женщина, тоже брюнетка, не менѣе стройная, хотя уже не молодая, лѣтъ 40. Онѣ говорили довольно громко, на непонятномъ для меня языкѣ, похожемъ на нѣмецкій; должно быть, онѣ шведки. У обѣихъ въ рукахъ находились по фотографической карточкѣ (кабинетные портреты). Значить, погадать пришли на жениха, брата, мужа.

Слѣдующая большая комната, также пріемная, была пуста; судя по оставленнымъ на полу слѣдамъ отъ подошвъ и окуркамъ папиросъ въ углу, кліентовъ было сегодня не мало.

Я увидѣлъ, какъ отворилась стеклянная, занавѣшенная зеленой матеріей, дверь въ передней, ведущая въ противоположныя комнаты, оттуда вышелъ прилично одѣтый молодой человѣкъ, блондинъ, съ рыжими усиками.

Какъ только скрипнула эта дверь, а затѣмъ раздались шаги, обѣ дамы въ комнатѣ вскочили со своихъ мѣстъ и направились къ этой самой двери; туда побѣжали еще три женщины.

— Позвольте, теперь моя очередь, я раньше пришла!

— Нѣтъ, позвольте!

— Онѣ, онѣ раньше, ихъ теперь очередь,—разрѣшила споръ молоденькая прислуга и дверь захлопнулась за скрывшеюся туда женщиною съ платкомъ на головѣ.

Послѣ этого обѣ дамы снова усѣлись; разодрѣтая въ пухъ и прахъ особа еще нетерпѣливѣе зашагала по комнатамъ, а невдалекѣ отъ заветной двери дожидалась пожилая женщина, вышедшая изъ кухни.

Добрыхъ два часа прошло, когда наконецъ, послѣ разодрѣтой особы, заветная дверь захлопнулась за скрывшимися за нею рослыми шведками съ кабинетными портретами.

— Боже мой, да когда-же наконецъ онѣ выйдутъ оттуда, вѣдь ужъ третій часъ, Анна Карловна на поѣздъ не поспѣеть!—озабоченно проговорила показавшаяся служанка, растворявшая настежь двери комнатъ.

— Скажите, милая дѣвушка, обратился я къ служанкѣ: развѣ Анна Карловна и на дачѣ принимаетъ посѣтителей?

— Нѣтъ, тамъ никого не принимаетъ, она бываетъ тамъ въ гостяхъ разъ, два въ недѣлю, а постоянно живетъ здѣсь; публика сюда ходитъ.

— Вѣроятно, много у нея сегодня народу перебывало?

— Сегодня—что, сегодня я не всѣхъ и впускаю, а въ другое время очень много, цѣлый день, съ самаго утра и до вечера.

— Хорошенькая у васъ квартирка, сказалъ я, чтобы продолжать бесѣду съ словоохотливой служанкой, свѣтлая такая; дорогая?

— У насъ шесть комнатъ, Анна Карловна 35 рублей платить.

— Ахъ, какъ недорого, прелесть; на что-же ей столько комнатъ, развѣ у нея дѣти?

— О, нѣтъ, Анна Карловна—барышня; одну комнату она на зиму сдаетъ; другія самой нужны, посѣтителей много.

— Скажите, пожалуйста, настоящая ея фамилія...

— Гренъ, Анна Карловна Гренъ; ее всѣ знаютъ.

— Такъ, такъ; уже немолодая?

— Старуха. Давно она въ этомъ домѣ живетъ.

Въ кухнѣ послышался звонокъ. Служанка скрылась.

— Не принимаютъ, дома нѣтъ; въ понедѣльникъ или воскресенье приходите!—раздавался изъ кухни голосъ служанки.

— Чортъ-бы ихъ побралъ, этихъ барынь, цѣлый часъ гадаютъ! Привораживаютъ кого-нибудь, колдуньи!—злилась не на шутку моя спутница.

Наконецъ и онѣ вышли.

— Пожалуйте!—обратилась ко мнѣ служанка.

Подожелъ и я къ завѣтной, занавѣшенной двери. Сначала я вошелъ въ одну, а затѣмъ и въ другую небольшую свѣтлую комнату, уставленную тѣсно шкафами и большимъ обѣденнымъ столомъ; въ углу, между шкафами и столомъ, сидѣла женщина лѣтъ 50, съ сильной просѣдью въ гладко причесанныхъ, понѣмецки, волосахъ, въ изящномъ кружевномъ чепчикѣ, въ очкахъ, съ розовымъ привѣтливымъ, одареннымъ добрѣйшею улыбкою лицомъ; на ней было темное ситцевое, съ отдѣлкою, платье.

— Здравствуйте, прошу васъ, садитесь:—ласково встрѣтила она меня, кивая головою и указывая мнѣ противъ себя стулъ.

Поверхъ низко сидѣвшихъ на ея остроконечномъ носу очковъ я увидѣлъ сѣрые, съ блескомъ, довольно проницательные глаза, рѣзкій оттѣнокъ которыхъ сглаживало улыбающееся лицо. Передъ нею лежали двѣ-три колоды картъ, а сбоку, на скамейкѣ, у самого шкафа, я увидѣлъ не то лампочку, не то бензинку и три чашки съ остатками въ нихъ кофейной гущи.

Одну такую обыкновенную чашку она взяла со скамеечки и поставила передъ собою.

— Вы женаты?—было первымъ ея вопросомъ.

— Да.

— Имѣете дѣтей... да?

— Да.

— Вы недавно женаты...—полувопросительно сказала она; затѣмъ внимательно начала разсматривать кофейную гущу въ чашкѣ.—Мм... мм... да, вы семейный... у васъ въ семьѣ есть одно имя, или это имя—вы сами... имя начинается на букву а, н или п... да? на п?

— Нѣтъ, на такую букву что-то не помню...

— А или п... Какъ ваше имя?

— Владиміръ, говорю, и въ то-же время показываю видъ, что крайне заинтересованъ буквами: пе, пе, пе... бормочу я.

— Ну, да, ну, да... видите-ли, французскія буквы... по русски такъ похоже на в.

И вмѣсто п, добрая старушка стала выговаривать б, принимая меня за простодушнѣйшаго профана.

— Ну-съ, такъ вотъ, вы женаты, у васъ дѣти... вы хлопочете... вы... вы служите гдѣ нибудь?

— Нѣтъ.

— Но, такъ, работу имѣете?

— Да... работа... какъ вамъ сказать...

— Ну, да, да, вы не въ коронѣ, не чиновникъ. Вы купецъ, вы торгуете?

— Нѣтъ, я... пока такъ...

— По конторской части?

— Да, въ этомъ родѣ.

— Ну, да, да. У васъ работа непостоянная... вы хлопочете... очень хлопочете... У васъ вышла какая-то непріятность... перемѣна квартиры или скоро перемѣните квартиру... У васъ домашняя непріятность... да, какая-то непріятность... правда?

Я смотрѣлъ то на кофейную гущу, то на старуху, улыбаясь во весь ротъ.

Старуха еще болѣе улыбалась.

— Ммм... да, непріятность... съ женою, кажется, у васъ непріятность, разладъ какой-то... да?

— Что вы, что вы, говорю я, напротивъ: мы съ женою, слава Богу, живемъ душа въ душу! А непріятность развѣ та, что она у меня хвораетъ и довольно серьезно.

— Ну, вотъ, ну, вотъ! Болѣзнь, непріятность... это то-же самое; я вижу здѣсь что-то такое: домашняя непріятность, болѣзнь; одно слово, очень непріятно. Но это пройдетъ, скоро пройдетъ; такъ, черезъ два-три мѣсяца жена ваша выздоровѣетъ, даже лѣчиться не нужно, само собою все кончится благополучно.

Старуха отстранила отъ себя чашку и стала раскладывать карты.

— Ммм... вы теперь очень озабочены... у васъ забота о семьѣ... но работу вы найдете, много у васъ будетъ работы, очень много! Будутъ хлопоты небольшія, болѣзнь... но это скоро, скоро все кончится, а работа будетъ, непремѣнно будетъ, мѣсяца черезъ два-три. Даже вотъ что: въ коронѣ или въ какомъ-то другомъ общественномъ мѣстѣ вы получите мѣсто помощника начальника... да, да... помощника. У васъ одинъ человѣкъ есть, который хлопочетъ за васъ, онъ желаетъ вамъ добра... отъ него много получите. Деньги получите... большія деньги; десятка тузъ... валетъ; валетъ—непремѣнно получите или выиграете большія, очень большія деньги. Но только не такъ скоро... Года черезъ два, три. А дѣла ваши поправятся, и въ то время, какъ наступить не осень и не зима... дождливое время... не совсѣмъ еще зима, а уже холодно. Будете при своемъ собственномъ хозяйствѣ... при своемъ собственномъ домѣ. У васъ было какое-то хозяйство? Дѣло свое было, да?

— Гм... да, было.

— Какое у васъ было хозяйство?

— Типографія была.

— Да, опять будетъ свое хозяйство, домъ: не скоро, но будетъ непремѣнно, и большія деньги. Какой-то господинъ вамъ сильно мѣшаетъ, врагъ вашъ... но это ничего, ничего не будетъ изъ этого. Какая-то женщина, уже немолодая, такъ, среднихъ лѣтъ, добивается сдѣлать вамъ непріятность... Но и это тоже само собою ничѣмъ не кончится, она оставитъ васъ въ покоѣ. Еще одна женщина есть, близкая... Есть у васъ родные?.. Но это такъ, ничего. Все благополучно для васъ кончится, дѣла устро-

ятся черезъ мѣсяца два, три. А деньги большія получите или выиграете—года черезъ два, три.

Старуха сложила карты и поклонилась.

Я вынулъ изъ кошелька цѣлковый, положилъ на столъ и тоже поклонился.

— Благодарю, мерси,—сказала она, сложивъ губы сердечкомъ.

Затѣмъ я вышелъ изъ комнатъ, очутился снова въ кухнѣ, гдѣ съ поджидавшей меня спутницей мы распрощались съ молоденькой служанкой.

III.

Въщій сонъ.

Въ Петербургѣ я разыскалъ свою тетку, которую привезъ къ себѣ, и за чашкою кофе рассказалъ ей о томъ, какъ я ходилъ гадать къ Аннѣ Карловнѣ Гренъ и что послѣдняя мнѣ предсказала и проч.

Тетка моя посовѣтовала мнѣ розыскать, во-первыхъ, какую-то бабу, близъ Преображенскаго кладбища, извѣстную подъ именемъ чернокнижницы; во-вторыхъ,—посѣтить какую-то старуху колдунью, за Невскою заставою, которая научить привораживать къ себѣ посредствомъ какихъ-то чаръ и, въ-третьихъ, обѣщала достать адресъ какой-то вѣдьмы гадалки, которой помогаютъ двѣнадцать кошекъ; онъ сбѣга-

ются на зовъ ея, обнюхиваютъ коло ду картъ, по-сѣтителей и углы комнатъ.

Тетуска моя, обладающая феноменальною памятью, помнящая разговоръ свой съ дѣдушкою Крыловымъ, Гречемъ, Булгаринымъ и друг., видѣвшая въ Малороссіи Гоголя, не задолго до его кончины,—на ряду съ этимъ сохранила въ своихъ воспоминаніяхъ, между прочимъ, чрезвычайно интересный по своей правдивости эпизодъ съ извѣстной въ свое время въ Петербургѣ гадалкой.

Прежде чѣмъ заставить тетуску разыскивать вѣдьму-гадалку съ дюжиной кошекъ и въ ожиданіи очередной встрѣчи моею съ «чернокнижницей», я съ большимъ интересомъ выслушалъ отъ нея слѣдующій, по ея словамъ, правдивый эпизодъ, которымъ и подѣлюсь пока съ читателями.

Слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ, въ Петербургѣ пользовалась громкой извѣстностью въ большомъ свѣтѣ гадалка, англичанка Джесси Ф—ъ, проживавшая въ то время на углу Малой Морской и Невскаго. Къ Джесси Ф—ъ наперерывъ стекались преимущественно великосвѣтскія дамы. Между прочимъ, среди тогдашнихъ бонвивановъ, замѣчательныхъ своей бурною жизнью и непреодолимымъ стремленіемъ къ прожиганію отцовскаго наслѣдья, обращалъ на себя вниманіе ухлопавшій огромное состояніе и извѣстный за жуира, цвѣтущихъ лѣтъ мужчина Павелъ Дмитріевичъ Б., обладавшій, однако, уже огромной плѣшью. Добрый, безхарактерный Б. роздалъ не мало денегъ разнымъ случайнымъ знакомымъ, съ которыми онъ сталкивался въ великосвѣтскихъ салонахъ и клубахъ. Осталось у него всего на-всего